РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

Помяните одно: только кóренью основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только кóренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?

Окруж. грам. Москвы. (Акты Арх. Экс. Т. II стр. 298).

1857.

III.

ВТОРЫЙ ГОДЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Сентября 4 дня 1857 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

ОТВѢТЪ

НА ДВА ПОСЛѢДНІЯ ПИСЬМА

М. А. МАКСИМОВИЧА (1).

...Въ послѣднихъ письмахъ твоихъ очень много посторонняго и совершенно лишняго: выбираю только то, что̀ идетъ къ дѣлу.

По примѣру твоему начну заявленіемъ важнѣйшей уступки, тобою невольно сдѣланной, въ пользу моего мнѣнія: «Если тебѣ уже непремѣнно хочется,» — говоришь ты, — «пополнить велико-россійское населеніе переселенцами съ русскаго юга, по нашествіи Батыевомъ, то ты можешь себѣ, аще совѣсть не зазритъ, забрать хоть Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, *которыхъ и имена назнаменовались на великороссійскихъ мѣстностяхъ*». стр. 94.

Милости просимъ, милости просимъ!

Но какъ же это случилось, теперь спрошу я тебя, что Тиверцы, Болоховцы, даже Дулѣбы, изъ-за дальняго Днѣстра и Буга, двинулись съ юга на востокъ, попали въ Велико-Россію, и назнаменовали свои имена на великороссійскихъ мѣстностяхъ, а изъ Полянъ ты не хочешь пускать туда никого?

Если тѣ пошли изъ своихъ захолустьевъ, видно по сильнымъ побудительнымъ причинамъ, то Поляне кольми паче, съ большой дороги, изъ-подъ перваго, такъ сказать, удара новыхъ, сильныхъ враговъ.

«Исторія Кіево-Переяславской земли,«—говоришь ты—«въ вѣкъ Татарщины, отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ; и это естествено!»

Примолкаетъ,—но не для всѣхъ. Имѣй уши слышати, слышитъ. Послушай же:

Лѣтопись по воскресенскому списку говоритъ II, 219: «Великому князю Михаилу держащу тогда Кіевъ... побѣже въ Угры и со до-

(1) Напечатанныя во II книгѣ Русской Бесѣды сего года.

машними своими, *иніи же бѣжаша въ далныя страны*, иныя же крыяхуся въ пещерахъ земныхъ, а иніи затворишася въ градѣхъ... тѣ тако отъ поганыхъ чемилостивно избіены быша, а иже крыяхуся въ пещерахъ, и въ горахъ, и во лѣсахъ, *мало тѣхъ остася.*»

Праяда, Михаилъ возвратился чрезъ нѣсколько времени съ своими, нѣкоторые бѣглецы также собрались, но въ ничтожномъ количествѣ, ибо Плано-Карпини, посланникъ Папы Иннокентія IV къ Татарамъ въ 1246 году, описывая свое путешествіе, вотъ что говоритъ о Кіевской странѣ: «Дорогою были мы безпрестанно въ опасности отъ Литовцевъ, которые часто дѣлали набѣги на Русскую землю, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, кои мы проѣзжать были должны. Отъ Руссовъ же были мы въ безопасности, имѣя вышесказаннаго служителя, да и кромѣ того *большая изъ нихъ часть была побита или уведена въ плѣнъ Татарами.*»

«Пріѣхавъ въ Кіевъ, совѣтовались мы о продолженіи пути.... на другой день Срѣтенія отправясь въ путь, пріѣхали мы въ селеніе Канову (Каневъ), которое *зависѣло непосредственно отъ Татаръ*» (1).

Вотъ причина, почему жители тѣхъ странъ спѣшили убираться отъ Татаръ подальше! Въ Каневѣ, гдѣ ты живешь на Михайловской горѣ, въ 120 верстахъ отъ Кіева, властвовали уже *непосредственно* Татары — вотъ почему Кіево-Переяславскіе Поляне искали себѣ убѣжища и спасенія на сѣверѣ. А послѣ Татаръ наперли съ другой стороны Литовцы!

Хочешь еще послушать? Свидѣтельствъ объ этомъ глухомъ времени, правда, мало, но есть:

«Того же лѣта (1332) по званію Великаго князя Іоанна пріиде къ нему нѣкто отъ *Кіевскихъ* благоплеменныхъ вельможъ служити, Родіонъ Несторовичь, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же княжата и дѣти боярскіа и двора его *до тысящи и до семи сотъ*. Князь же Великій пріятъ его съ радостію, и даде ему боярство на Москвѣ, и устави ему ядо всѣми большинство, и даде ему въ вотчину пол-Волока Ламскаго, а другая бысть половина Новгородская. По лѣтѣ же единомъ Родіонъ сосла посадника Новгородскаго Микулу, и приведе весь (Волокъ) къ Великому князю. Великій же князь даде ему села въ область кругъ рѣки Восходни на 15 верстахъ (2).

(1) Путешествіе къ Татарамъ Плано-Карпини, переводъ Языкова. стр. 9.
(2) Карамз. Т. IV, пр. 324.

А вотъ тебѣ извѣстіе изъ Родословныхъ книгъ:

«Ѳедоръ Бикентъ пришелъ изъ *Чернигова* къ Великому князю Ивану Даніловичу, да былъ у него боярин, и Москва за нимъ была; а у него 5 сыновъ: большой Алексѣй Чудотворецъ» (1).

И Петръ митрополитъ пришелъ къ намъ съ *Волыни*.

А Блудовы, Волынскіе,—и сколько родовъ еще показано въ Родословныхъ книгахъ вышедшими изъ Кіева, Чернигова, Волыни и пр.? Въ самомъ Новгородѣ встрѣчаемъ мы выходцевъ Кіевскихъ, напр. подъ г. 1270 Гаврилу Кыянинова.

Вотъ дополненіе, кіевское, черниговское, волынское, къ уступленнымъ тобою Тиверцамъ, Болоховцамъ и Дулѣбамъ!

—

Что же касается до *моей* яко бы уступки, то я еще постою за нее, и ты напрасно поспѣшилъ провозгласить свою побѣду, а именно:

Къ § 3. Напрасно говоришь ты, будто я «увидѣлъ, что выставленныя мною слова и обороты какъ явно не-малороссійскія и не-церковныя, но чисто великороссійскія,—не таковы.» Нѣтъ я готовъ только согласиться, что нѣкоторыя слова и обороты, бывъ великороссійскими, могутъ быть и малороссійскими, то есть, общими—вотъ и все! а это согласіе отнюдь не имѣетъ того значенія, которое ты ему даешь.

—

Къ § 4. Утвержденія Симоновскаго, Сахарова, Граматина и Греча объ относительной новости малороссійскаго нарѣчія, по безотчетности своей и отсутствію всякой ученой формы, никакъ не йдутъ въ сравненіе съ Лавровскимъ и Срезневскимъ, которые представили филологическія доказательства, основанныя на законахъ языка. Точно тоже должно сказать и о безотчетномъ утвержденіи Шишкова касательно тожества Русскаго языка съ церковнымъ, въ которомъ я не вижу никакого ущерба моему, какъ говоришь ты, открытію. Подобныхъ примѣровъ о разныхъ ученыхъ вопросахъ найдется у насъ очень много,—даже у Тредьковскаго, у Щербатова и у другихъ.

—

Къ § 8. Ты приводишь рѣчь Богдана Хмельницкаго въ переводѣ на церковный языкъ, и говоришь, что по такому переводу церков-

(1) Карам. Т. IV, пр. 324.

ному, гдѣ не видать малороссійскаго народнаго нарѣчія, не льзя отвергать малороссійскаго его происхожденія.

Разумѣется не льзя,—точно какъ по французскому и нѣмецкому переводу ея не льзя почесть его Нѣмцемъ или Французомъ. Но по малороссійской живой, а не переводной, рѣчи, гдѣ она встрѣчается, точно также не льзя не почесть его Малороссіяниномъ. Приведенные мною князья являются съ живыми своими рѣчами, а не съ переводными, и по живымъ своимъ рѣчамъ являются чистыми Великороссіянами, отнюдь не Малороссіянами, слѣдовательно это соображеніе, тобою обойденное, продолжаетъ «годиться», вопреки твоему разглагольствію. Живыхъ такихъ великороссійскихъ рѣчей я могу представить тебѣ нѣсколько дюжинъ, въ дополненіе къ обракованнымъ тобою дюжинамъ словъ, которыя въ совокупности напоминаютъ пучокъ прутьевъ, что дѣти азбучнаго старика не могли переломить, хоть и переломали всѣ прутья порознь. Вотъ попался подъ руки и вѣникъ «для бани древяной,» которую я недавно въ саду у себя построилъ, и гдѣ готовъ угостить товарища по старой памяти, обліяннаго квасомъ усѣяннымъ.

—

Ты обвиняешь меня, будто я «убѣгаю и мысли о возможности переложенія живыхъ, изустныхъ, малороссійскихъ рѣчей на церковный языкъ лѣтописцами малороссійскими.» Нѣтъ, я не убѣгаю этой мысли, а слухомъ своимъ слышу въ лѣтописи живую рѣчь, подлинникъ, не переводъ, почему и заключаю о принадлежности ея великороссійскому племени.

Что касается до рѣчи Игоревой въ Кіевѣ (тайны Божіей никтоже вѣсть), то подъ 1186 г. я не нахожу ея: не записалъ ли ты ея въ первую эпоху историческихъ занятій въ 1820 — 1821 году? Впрочемъ описаніе кіевскаго лѣтописателя въ этомъ году наполнено тѣстами, среди коихъ живая рѣчь безпрестанно сѣшивается съ церковною.

—

Къ § 9. Я сказалъ въ первомъ своемъ отвѣтѣ, что не понимаю, почему ты съ такимъ напряженіемъ различаешь народно-русскія формы и церковно-славянскія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Ты отвѣчаешь: «чтобъ показать большое различіе между церковнымъ или македонскимъ языкомъ и народною русскою рѣчью, различіе, существующее съ весьма древнихъ временъ,» и проч. Да малороссійскому-то нарѣчію въ особенности эти формы не приносятъ никакой пользы!

Вотъ что я хотѣлъ сказать своимъ вопросомъ: они слишкомъ близки между собою, и суть варіанты, такъ сказать, одного и того же нарѣчія, по разнымъ мѣстамъ произведшіе.

Странно твое утвержденіе, что «письменный русскій языкъ не только могъ развиться, но и дѣйствительно развился изъ церковнаго языка, принятаго у насъ на Руси за письменный языкъ въ 10 вѣкѣ изъ-за Дуная.»

Если это такъ, докажи мнѣ, вмѣсто разсужденій, положительно, ясно, законами движенія звуковъ, что письменный языкъ нашъ имѣетъ больше связи съ церковнымъ, чѣмъ съ простою, живою Русскою рѣчью.

Но какъ это случилось, что отъ мертваго родилось живое? А живое осталося безплодно? Этого мало; мы говоримъ теперь письменнымъ языкомъ: что же? нашъ разговорной языкъ ближе къ церковному, чѣмъ къ простонародному?

—

Разселеніе Славянскихъ племенъ я сравнилъ съ разтасованною колодою картъ. Въ этомъ сравненіи заключается мысль, что одно и то же Славянское племя, въ великомъ переселеніи и движеніи народовъ, очутилось на противоположныхъ концахъ съ однимъ и тѣмъ же нарѣчіемъ, которое, разумѣется, должно было подвергнуться по мѣстамъ различному вліянію (отсюда и происходитъ наше *золото* вмѣсто собственно такъ называемаго церковнаго *злата*, *голова* вмѣсто *главы* и проч. и проч.). Ты говоришь, что я перетасовываю эти карты и раскладываю, какъ вздумается. Это только игра словъ, или, пожалуй, картъ, изъ которыхъ ты составилъ себѣ не только домъ, но даже крѣпость. Сравненіе твое не только не вѣрно, но и мысли никакой въ себѣ не заключаетъ: я не раскладываю вновь картъ, а указываю мѣсто, куда какая попалась: такъ точно и ты мастей не собираешь, а развѣ подбираешь, думая обыграть пріятеля на-вѣрняка. Я готовъ проиграть тебѣ, но когда ты выступишь на меня съ тузами-доказательствами: ни передъ королями, ни предъ дамами, ни предъ валетами, я пасовать не привыкъ.

Далѣе совѣтуешь ты мнѣ брать истину прямо изъ родника — да въ семи-то томахъ моихъ Изслѣдованій куда же я ходилъ за истиною *кромѣ родника*? Побойся Бога хоть ты!

—

Къ § 10. Послѣсловія Григорія къ Остромирову Евангелію и Іоанна къ Святославову Сборнику, по твоему мнѣнію, «для филологіи нашей важнѣе иныхъ позднѣйшихъ фоліантовъ.»

Да Малороссійскаго-то нѣтъ въ нихъ ни слуху, ни духу,—ни единаго слова.

Къ § 11. «Кириллъ III, Серапіонъ.... были Малороссіяне, а писали не на малороссійскомъ языкѣ. Вотъ что надо имѣть въ виду постоянно.»

Нѣтъ, они не были Малороссіяне, ибо не оставили никакихъ слѣдовъ малороссійскаго нарѣчія въ своихъ сочиненіяхъ, точно какъ и всѣ прочіе переселенцы съ юга. А какъ слѣды великороссійскіе въ ихъ сочиненіяхъ есть, то и заключаю я, что они были Великороссіяне.

—

Къ § 12. О Володимерѣ, позволь сказать тебѣ, ты соткалъ паутину преузорочную, чтобъ не сказать иначе. Я выразилъ свое удивленіе, почему о немъ въ Малороссіи нѣтъ пѣсенъ, между тѣмъ какъ въ Великороссіи онѣ поются отъ одного края до другаго, не исключая и Сибири. Ты объясняешь тѣмъ, что пѣсни о Володимерѣ, какъ ласковомъ гостепріимцѣ, произошли изъ Новагорода, а въ Кіевѣ онъ былъ славенъ, де, только своей святостію. Помилуй—да пиры-то Володимеровы гдѣ описаны? Пиры Володимеровы описаны, кромѣ пѣсенъ, въ Кіевской лѣтописи, у Нестора. Послушай-ка его: «Се же паки творяше людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съдьскымъ, и десядьскымъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя. Бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подъпьяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревыми ложицами, а не серебряными. Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати ложицѣ сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: яко сребромъ, а златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, яко же дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра».

Пиры Володимеровы были славны даже въ лѣтописи, въ монастырѣ, у монаховъ, а въ пѣсни они не попали! Ну съ чѣмъ это сообразно? Стыдись такого натянутаго объясненія!

И какихъ десять лѣтъ считаешь ты въ Новгородѣ? Припомни, что Володимеръ, узнавъ о войнѣ Ярополка съ Олегомъ, бѣжалъ за море, къ Норманнамъ (слышишь ли, къ Норманнамъ), прожилъ у нихъ три года, и воротился съ ихъ помощью, пошелъ на Полоцкаго Рогвольда,

(также Норманна), пришедшаго изъ-за моря, съ дочерью Рогнедою (также Норманкою), которая, какъ истая Норманка, не хотѣла разуть (по Нормански же) рабичича (Норманскаго ambarlarson по Шёгрену). Сколько же остается Володимеру жить въ Новогородѣ? Лѣтъ пять, — и какіе же эти пять лѣтъ? Лѣта отрочества, когда никакого гостепріимства не могло еще въ немъ обнаружиться. Слѣдовательно — не слишкомъ ли отважно ты спрашиваешь у меня, подъигрывая на малороссійской бандурѣ, что̀ купилъ у вдовы Борышпольскаго послѣдняго бандуриста: «нѣтъ ли еще какого недоумѣнія?» Есть, но справься прежде съ данными.

—

«Во лузѣхъ» у Великороссіянъ ты считаешь позднѣйшимъ заимствованіемъ изъ церковнаго языка. Помилуй—какая церковная форма можетъ попасть въ общенародную пѣсню? Я стою на томъ, что многія, такъ называемыя, церковныя формы живутъ у насъ до сихъ поръ по мѣстамъ въ народѣ, чѣмъ и подтверждается для меня тожество нарѣчій церковнаго и великорусскаго.

—

Во второмъ письмѣ ты предлагаешь постороннее разсужденіе о Сожицѣ, которую велишь считать Сулицею—можетъ быть, но изъ Сулицы, точно какъ и изъ Сожицы, все-таки не почерпнешь ты ни капельки для малороссійскаго нарѣчія. Не приноситъ также никакой пользы малороссійскому нарѣчію Михалко, если онъ точно былъ Юрьевичь, а не Всеволодичь, котораго ты даешь мнѣ въ придачу по случившемуся между нами счету. Ты позабылъ только, что счетъ долженъ заключаться въ предѣлахъ статей объ языкѣ, и залѣзъ въ мой словарь. Не собралъ ли ты еще на досугѣ какихъ опечатокъ въ Москвитянинѣ за 15 лѣтъ? Сообщи, но въ особой статьѣ, для указателя, который я думаю приложить къ изданію, сдѣлавшемуся, не смотря на вражьи вопли, уже необходимымъ для всѣхъ друзей исторіи и словесности.

—

Ты говоришь, въ отвѣтъ на мою догадку о происхожденіи Малороссіянъ изъ Карпатъ, что, на оборотъ, «въ Карпатахъ ведется преданіе о двукратномъ переселеніи туда Руси—разъ, во время Олегово, изъ Украйны Днѣпровской, вмѣстѣ съ Уграми; въ другой, въ XIV вѣкѣ, изъ Подолья, съ князьями Коріатовичами.»

Эта Русь не принадлежитъ тебѣ, это Русь моя, Норманская. Въ Галичь при Олегѣ Норманны проникли точно также, какъ въ Кіевъ,

въ Ростовъ, Полоцкъ, Туровъ, Бѣлозерскъ, Муромъ: «И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля.» Названіе Русиновъ въ Галиціи происходитъ именно отъ этой пришлой Руси.

Переселеніе изъ Подоліи въ XIV вѣкѣ, частное, мѣстное, не имѣетъ вліянія на нашъ вопросъ.

—

«Украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственнымъ отпрыскомъ въ XIII вѣкѣ отъ поднарѣчія карпато-русскаго,» говоришь ты, и я принялъ твое рѣшеніе, указавъ шуткою на внутренность Карпатскихъ горъ, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы, какъ на резервъ, надъ которымъ ты теперь потѣшаешься. Но не нуженъ мнѣ и резервъ: колыбель малороссійскаго нарѣчія можетъ быть въ Карпатахъ, на Волыни, въ Подоліи—дѣло филологовъ разобрать нарѣчія и поднарѣчія, и опредѣлить ихъ относительную древность, важность и характеръ.

—

О Казацкомъ сословіи и отношеніи его къ Тмуторокани говорить здѣсь не мѣсто.

Скажу тебѣ только, что Мстиславъ приходилъ въ Тмуторокань, и жилъ въ Тмуторокани, съ тою же Русью, съ какою жилъ Ярославъ и Володимеръ въ Кіевѣ, съ какою Олегъ, Игорь и Святославъ ходили подъ Царьградъ, какая въ это время служила даже у Грековъ наСредиземномъ морѣ, по собственнымъ ихъ свидѣтельствамъ, а именно:

902. Въ царство Льва Премудраго служило 700 человѣкъ Россіянъ на жалованьѣ при Греческомъ флотѣ, который сей императоръ снарядилъ и отправилъ къ острову Криту. На содержаніе ихъ выходило сто литръ золота.

935. Въ другомъ флотѣ, который отправленъ былъ въ Италію... были семь россійскихъ кораблей, на которыхъ находилось 415 человѣкъ Россовъ.

949. Въ Критскомъ флотѣ 584 человѣкъ Россовъ, у которыхъ было 45 чел. рабовъ.

Есть извѣстія подъ гг. 962, 963, 1023—1026 ,1032—1034. (1)

Эту Русь, данную Мстиславу безъ сомнѣнія еще отцемъ Володимеромъ, считалъ онъ своею дружиною, а не Козаръ и Косоговъ,

(1) Стриттеровы извѣстія, ч. III, стр. 21 и проч.

которыхъ взялъ съ собою на помощь. Не Козары и Касоги были дороги ему, а дорога была собственная его Русская дружина.

Мономаха я признаю по его характеру Великороссіянином. Ты возражаешь: «да почему же Мономахъ не есть характеръ малороссійскій?» «Ты мнѣ опредѣли сперва, что такое называешь ты чисто великороссійскимъ и чисто малороссійскимъ характеромъ (коли Богъ послалъ тебѣ такое прозрѣніе въ душу и сердце Русскаго человѣка, сѣвернаго и южнаго, особливо въ то древнее время, или лучше изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, даже до сего дне), да тогда уже и разрѣшай свои историческія задачи посредствомъ двухъ характеровъ; а пока тотъ и другой характеръ остаются еще для насъ съ тобою неизвѣстными вкусахъ; и не приму отъ тебя историческихъ вычисленій твоихъ на основаніи характеровъ предлагаемыхъ.»

Отвѣчаю. Характеръ Великороссіянина и Малороссіянина не опредѣленъ еще ни кѣмъ. Когда я въ 1829 году спросилъ вашего батьку Котляревскаго въ Полтавѣ: въ чемъ состоятъ отличительныя свойства Малороссіянина, онъ уклонился отъ отвѣта шуткою. Опредѣлить характеръ народа—это значитъ найти ключь къ его исторіи! Однако жъ всякой день, можетъ быть, случается у насъ слышать отзывъ среди разсказовъ о дѣйствіяхъ такого-то лица: это Малороссіянинъ! Точно также у васъ слышится: это Москаль! Слѣдовательно мы знаемъ другъ друга, хоть не умѣемъ еще дать нашему знанію опредѣленную ученую форму. На основаніи этого-то знанія, пройдя жизнь трехъ сотъ удѣльныхъ нашихъ князей, вдоль и поперекъ, я говорю рѣшительно: это все Великороссіяне. Проходя жизнь гетмановъ, точно также рѣшительно сказать можно: это Малороссіяне. Художнику предоставляется воплотить народный характеръ въ творимыхъ имъ лицахъ, и, читая вымышленную исторію Тараса Бульбы, Петро, или героевъ Рудаго Пасычника, я нахожу ее исторически-вѣрною, согласною съ моимъ понятіемъ о Малороссіянинѣ. А что ты говоришь о произволѣ Гоголевомъ, то есть для меня, и вѣроятно для всѣхъ Русскихъ читателей, совершенная новость. «Но чтобы художникъ былъ наставителемъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ покорился исторической дѣйствительности и поработалъ бы для нея съ долготерпѣніемъ. А въ творчествѣ нашего великаго художника, Гоголя (пока художество было его жизнію), этого не

было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ.»

Это сужденіе, совершенно противоположное нашимъ убѣжденіямъ, ты обязанъ доказать намъ обстоятельно и ясно, на что я тебя снимъ и вызываю.

—

Я сказалъ, въ подтвержденіе своего безпристрастія, что кланяюсь Богдану. Ты восклицаешь съ полною увѣренностію: «еще бы ты не поклонился Богдану!»

«Еще бы» здѣсь не у мѣста. Богданъ былъ великій человѣкъ, память его драгоцѣнна Малороссіянину,—но на славный его подвигъ можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ: одна сторона—Московская, другая Кіевская. Я радъ поговорить съ тобою о Богданѣ, когда кончится изданіе превосходнаго, кажется, труда Костомарова. А здѣсь скажу только, въ подтвержденіе того же безпристрастія, котораго ты цѣнить не умѣешь, или не хочешь съ своимъ Кулишемъ Кіяниномъ, что между гетманами есть еще характеръ, ожидающій историка,—это Мазепа, на котораго также можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ, а онъ, къ сожалѣнію, разсматривается до сихъ поръ только съ одной!

—

Въ заключеніи ты повторяешь мое прежнее желаніе, чтобъ г. Бодянскій написалъ свое мнѣніе объ языкѣ Несторовой лѣтописи.—Нѣтъ, это желаніе имѣлъ я въ 1837 году, когда онъ только что отправился за границу для изученія Славянскихъ нарѣчій, а теперь я не поручаю ничего никому, и вызываю только тебя изслѣдовать и опровергнуть ученыя доказательства гг. Срезневскаго и Лавровскаго противъ древности малороссійскаго нарѣчія, доказательства, представленныя гораздо прежде моей фантазіи,—а этихъ филологовъ отвѣчать тебѣ на твои разсужденія, и разрѣшить твои сомнѣнія.

—

Но довольно. Не стану указывать на тѣ мои соображенія, которыя ты въ отвѣтахъ своихъ упускаешь изъ виду: писанія наши передъ глазами читателей; пусть они судятъ, кому какъ угодно, а я въ заключеніе обращу твое и ихъ вниманіе только вотъ на что. Какъ ты ни хлопоталъ,—а ты очень много хлопоталъ,—ты не нашелъ въ древнихъ лѣтописяхъ и во всѣхъ прочихъ памятникахъ ни одного оборота, ни одного слова, ни одного выраженія, которое бы могъ назвать

чисто, исключительно, малороссійскимъ, безъ всякаго спора, а великороссійскаго добра я отпускаю тебѣ пригоршнями. Это намотай себѣ на усъ, если ты. какъ я слышалъ, отпустилъ себѣ усы, а я свою бороду сбрилъ, хоть и привезенную изъ-за границы съ таможенной пломбой!

Наконецъ ты грозишь поднять вопросъ о Норманнахъ. Пожалуйста, не поднимай! Это не твое дѣло, какъ не мое дѣло филологія, о которой ты заставилъ меня насильно говорить единственно для поясненія моей фантазіи. Ты попадешь въ Морошкинскій лѣсъ, въ которомъ зги не видно, темнѣе, чѣмъ въ Бѣловѣжской пущѣ —и я заранѣе отрекаюсь выводить тебя на прямую дорогу, а развѣ, по примѣру Петрѣ, столкну въ оврагъ,—чтобъ не фехтовать больше съ тобою.

Говорить дѣло о дѣлѣ впрочемъ я всегда радъ, съ тобою разумѣется, еще болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ, но безъ предубѣжденій: Поляне были Великороссіяне—такъ я думаю, такъ убѣжденъ, но, если мнѣ докажутъ, что они Малороссіяне, я не остановлюсь ни на минуту отказаться отъ мысли, и посвящу тебѣ мою палинодію.

М. Погодинъ.